Марина Софья Андреевна
студентка
Научный руководитель
Шелиспанская Эллада Владимировна
канд. пед. наук, канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»
г. Тула, Тульская область

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ АГРЕССИВНО-НАСИЛЬСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИЯХ ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ

Аннотация: *в статье раскрываются особенности проявлений агрессивно-насильственного поведения в ситуациях школьной травли, выделяются ее базовые формы и проводится разграничение между устойчивой травлей и конфликтами. Особое внимание уделено возрастным и социально-территориальным особенностям проявлений насилия у подростков, а также показана связь конкретных форм агрессивно-насильственных действий с личностными характеристиками участников травли.*

Ключевые слова: *насилие в школе, школьная травля, участники школьной травли, агрессивно-насильственное поведение.*

Школьная травля – это групповое явление, и характер проявлений агрессии напрямую зависит от роли участника и его личностных черт. М. Н. Харабаджах выделяет субъектный состав ситуации: агрессор, жертва, защитники, наблюдатели, помощники агрессора. При этом «роль наблюдателя в ситуации буллинга является ключевой: молчаливое принятие насилия легитимирует его в глазах группы, тогда как даже единичные акты поддержки жертвы способны изменить групповые нормы и остановить эскалацию» [3, с. 180]. Так, автор подчёркивает, что «распределение ролей в ситуации буллинга обусловлено сочетанием индивидуальных психологических особенностей и групповых ожиданий,

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

формирующих допустимые модели поведения в классе». Это значит, что даже подростки со средним уровнем агрессии могут включаться в травлю, если групповые нормы её оправдывают [3, с. 181].

Чтобы корректно анализировать проявления агрессивно-насильственного поведения в школе, важно сначала зафиксировать, чем именно школьная травля (буллинг) отличается от обычного конфликта или эпизодической ссоры. С. А. Буткевич подчёркивает, что для травли характерна не случайность, а определённая логика насильственного взаимодействия: «Для школьной травли, как правило, характерно умышленное (осознанное), систематическое, продолжительное (повторяемое) и последовательное агрессивное или жестокое поведение индивида или микроколлектива по отношению к определённому лицу или группе лиц в целях унижения, доминирования, физического или психологического самоутверждения, в т. ч. с использованием информационно-телекоммуникационных средств» [1, с. 602]. Эта формулировка задаёт базовые критерии, по которым можно отличать устойчивую травлю от разовых столкновений: умышленность, систематичность и целевую направленность на унижение и доминирование.

Важнейшим признаком школьной травли выступает асимметрия сил: в ситуации всегда есть сторона, обладающая преимуществом (физическим, социальным, численным), и сторона, которая не может эффективно защититься. С.А. Буткевич описывает спектр действий, которые попадают в категорию насильственных: «физическое нападение, преследование, запугивание, вымогательство, террор, насильственное изъятие чего-либо, принуждение что-то сделать, повреждение и другие действия с имуществом, вербальные издевательства, социальная изоляция жертв» [1, с. 602]. Такой перечень помогает увидеть, что агрессия в школе не сводится только к дракам: она включает широкий набор практик, многие из которых намеренно маскируются или остаются скрытыми от взрослых.

При этом формы агрессивно-насильственного поведения можно разделить на несколько типов, каждый из которых имеет свои особенности проявления:

Физическая агрессия – прямые насильственные действия: толчки, удары, порча или отбирание личных вещей. Эти проявления легче всего заметить, но

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

они нередко происходят в «слепых зонах» школы (на переменах, в коридорах, раздевалках) и могут подаваться окружающими как «обычные шалости».

Вербальная агрессия – оскорбления, насмешки, унизительные прозвища, угрозы. Такие формы часто носят публичный характер и рассчитаны на демонстрацию власти перед группой: «обсуждение при коллективе (классе) каких-либо недостатков школьника, его внешнего вида, личных качеств, поведения, успеваемости, родителей» [1, с. 603].

Социальная изоляция и косвенные формы давления – бойкот, намеренное игнорирование, исключение из общих дел, распространение слухов и сплетен.

Кибербуллинг – травля с использованием цифровых средств: отправка угроз и оскорблений в мессенджерах, публикация унизительного контента, создание «групп травли» в соцсетях. Особенность этой формы в том, что она не ограничена школьным пространством и временем поэтому давление продолжается круглосуточно.

Анализ эмпирических данных, представленных в исследовании М.В. Романовой и М.В. Фролкиной, позволяет увидеть, что агрессивно-насильственное поведение в школьной среде многообразно: его формы, интенсивность и динамика зависят от возраста подростков и специфики образовательной среды. Авторы подчёркивают, что «проявления школьного буллинга имеют выраженную возрастную специфику, обусловленную особенностями социальной ситуации развития и ведущими типами взаимодействия со сверстниками» [2].

В подростковом возрасте наблюдается закономерный переход от более «простых», прямых форм насилия к сложным, психологически изощрённым способам доминирования. У младших подростков (примерно 5–7 классы) доминируют явные, физически ощутимые проявления агрессии: драки, толчки, отбирание вещей, демонстративные оскорбления. Такая форма насилия понятна и легко узнаваема взрослыми, но именно из-за этого её часто путают с простыми детскими ссорами и оставляют четкого надзора.

По мере взросления, начиная с 8–9 классов, на первый план выходят скрытые и социально-психологические формы давления: бойкот, распространение

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

слухов, намеренное исключение из групповых чатов, саботаж участия в совместных делах. Романова и Фролкина отмечают, что «в старшем подростковом возрасте возрастает значимость символических форм агрессии, направленных на подрыв социального статуса жертвы и разрушение её репутации в группе» [2]. Для старшеклассников публичное унижение или наоборот статус «изгоя» или «невидимки» оказывается более болезненным чем физическая сила.

Важным вкладом работы М.В. Романовой и М.В. Фролкиной является эмпирически подтверждённое различие в проявлениях травли в городских и сельских школах. Авторы фиксируют, что в сельских школах чаще встречаются: повышенная конфликтность со всеми субъектами образовательного процесса (не только со сверстниками, но и с учителями), а также социальная изоляция, проявляющаяся в выделении «чужих» и отстраненном поведении с ними.

В городских школах, напротив, чаще фиксируются: эпизоды физической агрессии и открытого доминирования, проявления негативизма и подозрительности, а также более выраженная конкуренция за статус в классе или школе (лидерство в классе, доступ к популярным группам, участие в школьных мероприятиях).

Учёт этих особенностей важен для диагностики и профилактики школьной травли. Например, в младших классах и в сельских школах эффективнее работают прямые меры: чёткие правила поведения, санкции за нарушение, регулярные классные часы с разбором конкретных ситуаций. В старших классах и в городских школах больший эффект дают программы, направленные на изменение групповых норм: тренинги эмпатии, медиация конфликтов, работа с лидерами, агрессорами и жертвами [2, с. 68–69].

Таким образом, мы понимаем, что нельзя подходить к проблеме школьной травли универсально: проявления агрессивно-насильственного поведения всегда «вписаны» в конкретный возрастной и социальный контекст, а также роль ученика. Понимание этих различий позволяет точнее распознавать ранние признаки травли и подобрать меры профилактики.

Список литературы

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

1. Буткевич, С. А. Школьная травля: особенности генезиса, проявлений и превенции девиаций межличностных общений / С. А. Буткевич // Российский девиантологический журнал. – 2024. – № 4.

2. Романова, М. В. Особенности проявления школьного буллинга у подростков / М. В. Романова, М. В. Фролкина // Russian Journal of Education and Psychology. – 2021. – № 3.

3. Харабаджах, М. Н. Субъектный состав и личностные особенности участников буллинга в образовательной среде / М. Н. Харабаджах // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 69–2.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)